

Милена Миллинткевич

МЫШКА- НОРУШКА

ПРЫЖОК
В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Книга первая

— т. 2 —

RUGRAM

Москва

2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
М60

Миллинткевич, М.

М60 Мышка-норушка. Прыжок в неизвестность. Книга 1.
Том 2 / М. Миллинткевич. — М. : RUGRAM, 2025. — 282 с. —
(Мышка-норушка).

ISBN 978-5-517-13490-5

Начальник объекта «Химкомбинат» грозит расправой. Рита совершает одну ошибку за другой. Ей срочно необходимо решить проблему выбора и найти ответы на множество вопросов, если, конечно, она поймёт, что оказалась в смертельной опасности.

Сумеет ли Рита выбраться с объекта, находящегося под землёй? Какую цену придётся заплатить? Да и найдётся ли тот, кто поможет отыскать выход там, где его нет?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13490-5

© Миллинткевич М., 2025
© Топер А., оформление, 2025
© RUGRAM, 2025

**Все ответы на той стороне.
Но, если пойдёшь — не вернёшься...**

**ТЕБЕ
НЕ УБЕЖАТЬ**

Глава 1

Дети слушали сказку, открыв рты. Даже старшие подсели поближе.

— Теперь тебе понятно, что значит норушка? — спросила я Леру, когда сказка закончилась.

— Да. А ещё поняла, что нужно делиться.

— Верно. Жадничать нехорошо.

Лера насупилась и засопела.

— Что случилось? — я легонько тронула её светлые кудри.

— Я тоже хочу поделиться. Только не знаю, чем.

— А ты поделись с нами улыбкой.

Обрадованная Лера тут же закивала и заулыбалась.

— Если бы у меня была пачка галет, я бы тоже с вами поделился, — неуверенно заёрзал на стуле Лёша. — Но у меня её нет.

Интересно наблюдать, как дети начинают делать выводы, о чём раньше не задумывались, и вместе с тем искать лазейки и отговорки.

— Лёша, а почему мне кажется, будто ты так говоришь только потому, что так нужно, но тебе совсем не хочется этого делать.

— Не хочется, — замотал головой Лёша. — Лучше съесть пачку самому. Она же большая. А если я поделюсь, мне достанется только одна галета. Вот только...

Лёша замолчал и насупился.

— Что только? Говори, обещаю, тебя никто ругать не станет.

Он посмотрел на меня, тряхнул кучерявой головой и тихо ответил:

— Это плохой поступок. Как оторвать лапу игрушке, а потом выкинуть.

— Почему ты так реши?

— Потому... — Лёша шмыгнул носом и снова заёрзал на стуле. — Я буду есть, а они смотреть. Им тоже хочется. У них нет. А я... Я...

Плечи малыша вздрогнули. Он всхлипнул и прошептал:

— Они скажут, я плохой, потому что не делюсь, — глаза мальчика тут же стали влажными от слёз.

— Ну что ты, Лёша, не плачь, — я под села к нему, обняла и потрепала за соломенные кудряшки. — Ты неплохой. Ты очень хороший мальчик. Ведь ты решил поделиться со всеми.

— Ты молодец! — отложив книгу, Женька подошёл утешить малыша.

— Хочешь, я за ужином отдам тебе свои галеты? — спросил Кирилл. — Мне они совсем не нравятся.

На самом деле это была неправда. Кирилл всегда оставлял пачку в контейнере. А когда выдавался момент, заваривал чай и наслаждался, медленно откусывая маленькими кусочками.

— А знаете, что... — я обвела ребят взглядом и подмигнула выглянувшему из-за стеллажей Гере. — Я тоже хочу поделиться. Гера идём со мной, поможешь. А вы сидите и ждите здесь, договорились?

Ребята расселись по стульям, а мы пошли ко мне в закуток.

Открыв коробку с дополнительным пайком, которую мне принесли пару дней назад, я достала две соевые шоколадки, большую пачку галет, две баночки джема и пакет с сушёнными фруктами. Вручила лакомства Гере и вытащила из основной коробки пять пакетиков с витаминным напитком. Для меня он приторно-сладкий, а ребятам нравится.

Вскоре принесли ужин, и мы устроили большой пир. Ребята с удовольствием уплетали лакомства и наперебой просили рассказать сказку. И только когда младшие начали

зевать и укладываться головой на руки, я отправила подопечных спать.

— Рита, ты узнала про Витю? Рома что-нибудь говорил? — помогая мне убирать, спросил Гера.

— Нет, — стараясь на него не смотреть, ответила я.

— Но если узнаешь, ты же мне скажешь? Правда?

— Конечно. Я ведь обещала, — пришлось в очередной раз соврать, и чтобы Гера не догадался, поскорее отправиться спать.

«Их обезличат...»

Когда услышала от Ромки эти слова, вспомнила школу. Теперь я лучше понимала, что значит оцифрованное общество. Не знаю, какие технологии они используют, но, видимо, те уборщики в школьном дворе были обезличенными. Как Лена Сергач. Как истуканы. Как те, кого я видела на минус восьмом.

Я тогда думала, люди, убравшие двор, получили работу по социальной норме, и оттого, всегда молчаливы и покорны, ведь в любой момент могут её лишиться. Но теперь, вспоминая их отрешённые пустые взгляды, безропотное подчинение и резковатые движения, я почти уверена, что все они прошли коридорами химкомбината, прежде, чем оказаться на школьном дворе. Неужели такая судьба ждёт большую часть общества? Может быть, и меня?

От этой мысли мне стало совсем нехорошо. Идти вместе со всеми по дороге «в никуда» я не желала. И опять вспомнились мамины слова:

— Только сильные личности склонны к здравомыслию. Но и они порой не доверяют здравому смыслу.

Эти слова больше не казались мне странными и нелогичными. Я всё острее понимала их глубинный смысл, и от осознания невероятной трагичности положения мне делалось жутко.

Как-то раз я поделилась своими опасениями с Ромкой.

— Не переживай. Найдём выход, — попытался он утешить. — Раз система играет по этим правилам, нужно приспособиться. А дальше видно будет, кто останется в выигрыше.

— Так говорил папа, — чувствуя, как ком подкатывает к горлу и начинает душить, прохрипела я.

— Знаю, — Ромка внимательно посмотрел на меня и, приобняв, чмокнув в нос. — Он оказался прав. Вот только его это не спасло.

От Ромкиных слов стало ещё горше. С трудом сдержалась, чтобы не разреветься.

В детстве я мечтала, что моя жизнь всегда будет под защитой. Много времени проводя у мамы в больнице и видя страдания людей, я всем сердцем желала, чтобы они были здоровы. Увы, те, кто попадал к ней в реанимацию, были настолько беспомощны и безнадёжны, что вызывали сочувствие и страх. Кого-то удавалось спасти. Но обречённых на смерть привозили чаще.

Помню, как с железнодорожных путей доставили женщину. Она попала под поезд. Странно было уже то, что ей это удалось — поезда по технической ветке ходили редко. Слышала, как медсёстры шептались, будто её муж учёный, и, скорее всего, жену похитили, чтобы повлиять на него. А потом, то ли не добившись желаемого, то ли за ненужностью, связали и ночью положили на рельсы.

Место, где её нашли, удалённое, дойти туда пешком человеку в защитном костюме сложно. Она же была без костюма, но в маске и с заклеенным ртом. Как не задохнулась? Машинист увидел женщину слишком поздно. Он же вызвал патруль, который и привёз пострадавшую в госпиталь. Точнее, то, что от неё осталось. Два куска перепачканной в мазуте, но всё ещё живой плоти.

Как она кричала, когда её привели в чувства! От боли. От осознания безысходности. Когда поставили

капельницы — умоляла врачей спасти ей жизнь. Но что с ней случилось, и кто положил её на рельсы, говорить отказалась. Приехавший утром начальник госпиталя собственноручно отключил её от капельницы с обезболивающим, выгнал врачей из палаты и запретил заходить, поставив у дверей охрану. Сказал, женщина отказалась сотрудничать с властями.

Никогда не забуду эти кошмарные полчаса. Из палаты неслись дикие крики, звериный вой, жалобный скулёж. Мама хотела отправить меня домой, но ей не позволили. Начальник госпиталя велел, чтобы я осталась до конца «в качестве воспитательного мероприятия».

Мы стояли под дверью и смотрели на охрану. На их лицах не было и тени сочувствия или жалости. Ничего не видящие взгляды. Ничего не выражающие лица. Лишь когда всё стихло, нам позволили войти. Санитары унесли тело. А я ещё много ночей не могла без света заснуть, вспоминая пережитой кошмар.

Та женщина была обречена. Мама сказала, у неё был перелом позвоночника и разорваны внутренние органы. Странно, что она сразу не умерла. Но и в госпитале ей никто бы не смог помочь. Я это сразу поняла, хоть и была ещё подростком. Скажи она кто её положил на путях, или не скажи — выход один.

Смерть.

Беспомощность и обречённость всегда пугали меня. И глядя на детей, я боялась, что не смогу их защитить и тем самым обреку на гибель. Мне так и не удалось получить от Харина внятного ответа, ни куда распределят детей из разных групп, ни что станет с теми, кто всё же не попадёт ни в одну из них. И теперь, как в детстве, я испытывала страх от безысходности.

Иногда я возвращалась мыслями в детство. Сравнивала свои ощущения с поведением моих подопечных, и всё больше осознавала, сколь велика разница между мной тогдашней и ими. И чем отчётливее я понимала, сколь опасен мир, тем чаще мне хотелось вернуться под защиту близких. Но увы, это

невозможно. И то, что время вспять не повернуть меньшая из проблем. Их больше нет. Моих родителей. Моей бабушки. Моего деда...

Я так долго гнала от себя эти мысли, отчаянно сопротивляясь принятию факта смерти, что не замечала, как безнадёжно застряла в подростковом возрасте. В отрицании. В нежелании принимать осознанные взрослые решения.

А ведь я не подросток. От меня зависит жизнь этих ребят, их будущее. Я могу его дать или отнять. Только мне решать в какую группу их определить. От моего решения зависит, что станет с ними дальше, хотя я всё больше сомневаюсь в словах Харина о центрах обучения.

Последнее время мне всё чаще снится колонна взрослых и подростков с ничего не видящими взглядами. Та, с минус восьмого. Только теперь среди них я вижу лица моих бывших подопечных. А недавно к ним добавились ещё три — Жени, Кирилла и Геры. Просыпаюсь, дрожа от страха, что моих ребят ждёт та же участь. Я должна придумать, как их спасти. Мне предстоит решить их судьбу, а это выбор взрослого человека — не подростка.

— Пора взростеть! — растягивая слова, произнесла я.

— Что? — уставился на меня сидевший рядом Кирилл.

Оказывается, я сказала это вслух и даже не заметила. Обвила взглядом подопечных. Старшие смотрели с удивлением и непониманием.

— Н-нет, ничего... — растерянно пробормотала я. — Закончили? Тогда следующее задание.

К вечеру пришёл Захар, посмотрел на промежуточные итоги. Таблица результатов была заполнена лишь на одну пятую. Раньше за подобную медлительность он упрекал. Теперь же ни слова не сказал. Может, не заметил, или сделал вид, что не заметил. Кто его разберёт?